

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ АНОНИМНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ “ОТВЕТ ВАССАЛОВ”, АДРЕСОВАННОГО Е. П. РОСТОПЧИНОЙ*

© 2018 г. Н. Л. Васильев

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, Россия, 430005, Саранск, ул. Большевикская, д. 68
nikolai_vasiliev@mail.ru

© 2018 г. Д. Н. Жаткин

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета, Россия, 440039, г. Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а / 11
ivb40@yandex.ru

Дата поступления материала в редакцию 31 марта 2018 г.

CONCERNING THE AUTHORSHIP OF AN ANONYMOUS POEM ‘AN ANSWER OF THE VASSALS’, ADDRESSED TO EVDOKIYA ROSTOPCHINA

© 2018 Nikolay L. Vasilyev

Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian Language of the National Research Ogarev Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia
nikolai_vasiliev@mail.ru

© 2018 Dmitry N. Zhatkin

Doctor of Philological Sciences, Professor, Chair of the Department of the Translation and Methods of Translation of the Penza State Technological University, 1a / 11 Baydukov Pass. / Gagarin Str., Penza 440039, Russia
ivb40@yandex.ru

Received by Editor on March 31, 2018.

В статье рассматриваются версии авторства стихотворения “Ответ вассалов”, распространявшегося в рукописном виде как реакция на опубликованное в “Северной пчеле” в 1846 г. стихотворение Е.П. Ростопчиной “Насильный брак (Рыцарская баллада)”, содержащее намеки на взаимоотношения России с Польшей и вызвавшее скандал в придворном кругу. Вводятся в научный оборот ранее неизвестные списки этого произведения с указанием на его принадлежность П.А. Вяземскому, имя которого в данном контексте прежде не фигурировало. Анализируются литературные связи Вяземского с Ростопчиной, лексика анонимного сочинения, ее стыковки с поэтическим лексиконом Вяземского. Делается вывод, что, несмотря на существенную корреляцию словника “Ответа вассалов” с поэтическим языком последнего, идеологическую активность Вяземского в 1840-х гг., постоянное внимание писателя к судьбе и творчеству Ростопчиной, вопрос об авторстве анонимного произведения остается спорным.

The article considers the author’s versions of the poem “An Answer of the Vassals”, which was distributed in handwritten form as a response to the poem “Forced Marriage (A Knightly Ballad)” published in the newspaper “Severnaya Pchela” in 1846 by E.P. Rostopchina, containing hints at the relationship between Russia and Poland

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-04-00069а “Неопубликованные, анонимные и малоизвестные произведения П.А. Вяземского (библиография, текстология, поэтика)”.

and causing a scandal in the court circles. We introduce into scholarly circulation previously unknown lists of this work, indicating that it belongs to P.A. Vyazemsky, whose name in this context did not appear before. The article analyzes the literary relations of Vyazemsky and E.P. Rostopchina, the vocabulary of the anonymous writing, its connections with the poetic lexicon of Vyazemsky. It is concluded that, despite the significant correlation of the vocabulary of “An Answer of the Vassals” with the poetic language of Vyazemsky, despite the writer’s ideological activity in the 1840s and his constant attention to the fate and creativity of Rostopchina, the question of the authorship of the anonymous work remains controversial.

Ключевые слова: Е.П. Ростопчина, “Насильный брак”, “Северная пчела”, “Ответ вассалов”, П.А. Вяземский.

Keywords: Evdokiya P. Rostopchina, “The Forced Marriage”, “Northern Bee”, “An Answer of the Vassals”, Pyotr A. Vyazemsky.

DOI: 10.31857/S241377150002550-8

В конце 1846 г. в “Северной пчеле” были напечатаны несколько стихотворений, присланных Е.П. Ростопчиной (1811–1858) из Италии в редакцию петербургской газеты [1, с. 1135–1136, 1159].

В сопроводительном письме из Неаполя, датированном 14 (26) августа того же года, поэтесса, в частности, сообщала: «Журнал ваш самый народный; он является и в Петербургских гостиных, и в уездных закоулках, и в уединенных деревнях; вот почему мне хочется, чтоб не в пример поэтам нашим стихи мои явились преимущественно в “Пчеле”. Предоставляя вам распоряжение всех (?) прилагаемых листков, прошу вас только при напечатании первых трех пиэс следовать порядку, мной означенному нумерами, и нигде не выставлять моего имени, ни даже начальных букв. Вы усмотрите сами почему: в означенных пиэсах ничто не обличает, кем они писаны, женщиной или нет; мне хочется посмотреть – *узнают ли* меня под маскою инкогнито некоторые друзья, может быть, слишком снисходительно судившие о подписанных стихах моих» [2, с. 407–408].

Польщенный вниманием писательницы из аристократической среды, проявленным за пределами России, Ф.В. Булгарин сохранил анонимность автора, хотя и прозрачно намекнул читателям на него: “Мы обыкновенно печатаем в Северной Пчеле только те стихотворения, которые пишутся на важные современные события. Но нет правила без исключения, и мы всегда с удовольствием помещали на листах нашей газеты произведения первоклассных наших поэтов. И теперь, с равным удовольствием, печатаем произведения... особы... которую не смеем назвать по имени, не дерзаем даже определить пола и звания... <...> Эта особа по своему таланту принадлежит к тому созвездию наших поэтов, в котором сияют

имена Крылова, Пушкина, Жуковского и Грибоедова... Несколько драгоценных произведений, которые мы поместим в Северной Пчеле, присланы к нам (из Неаполя 26/14 августа 1846) при письме, из которого извлекаем следующие строки <...>” [1, с. 1135].

Среди напечатанных в том же номере газеты сочинений графини было стихотворение “Насильный брак. (Рыцарская баллада)”, воспринятое как художественная проекция личной жизни Ростопчиной под видом средневековой фабулы (см.: [3, с. 370]).

Вскоре, однако, стали распространяться слухи, что в стихотворении зашифрованы отношения между Россией и Польшей, входившей в состав Российской империи на правах Царства Польского. А.В. Никитенко 5 января 1847 г. записал в дневнике: «Суматоха и толки в целом городе. <...> И цензора, и публика сначала поняли так, что графиня Ростопчина говорит о своих собственных отношениях к мужу, которые, как всем известно, неприязненны. Удивлялись только смелости, с какою она отдавала на суд публике свои семейные дела, и тому, что она связалась с “Северною Пчелою”. Но теперь оказывается, что барон – Россия, а насильно взятая жена – Польша. Стихи, действительно, удивительно подходят к отношениям той и другой и, как они очень хороши, то их все твердят наизусть» – и далее процитировал 4 строфы произведения [4, т. 1, с. 480–482]. 11 января он отметил: «Толки о стихотворении графини Ростопчиной не умолкают. <...> Государь был очень недоволен и велел было запретить Булгарину издавать “Пчелу”. Но его защитил граф Орлов, объяснив, что Булгарин не понял смысла стихов. Говорят, что на это замечание графа последовал ответ: “– Если он (Булгарин) не виноват как поляк, то виноват как д...!” Однако, этим и кончилось. Но Ростопчину велено вызвать

в Петербург. Цензора успокоились» [4, т. 1, с. 482]; [см. также: 5, с. 528–536]; [6, с. 443, 480–481].

Польский вопрос волновал русскую и международную общественность давно; особенно остро он обсуждался в 1830–1832 гг. в связи с восстанием в Варшаве и его подавлением Николаем I. И хотя в отношении истинного замысла Ростопчиной в ее “балладе” возникали сомнения (см.: [7, с. 55–56]), позднейшая публикация произведения в изначальной авторской редакции (*С ксендзами шепчется она; На кроткий властелина зов!; Тирану верной быть должна*), с подзаголовком “Баллада и аллегория”, красноречивым посвящением А. Мицкевичу, эпиграфом “Lascia ch’io pianga la dura sorte, / E ch’io sospirò la libertà!”¹ и указанием на “хронотоп” написания текста (“Сентябрь 1845. Дорогою, между Краковом и Веною”), как и выявленные литературные истоки и аналогии данного сочинения (А.И. Одоевский, В. Гюго и др.) [8, с. 156] – убеждают в политическом подтексте стихотворения (см.: [9, с. 99–101, 477–478 (прим.)]). Спустя десять лет, уже после смерти Николая I, не простившего поэте намека на Польшу и фактически устранившего ее из придворной жизни, Ростопчина в стихотворении “От поэта к царям” (1856) писала, рассчитывая на внимание Александра II: “Не бойтесь нас, цари земные, / Не страшен искренний поэт, / Когда порой в дела мирские / Он вносит божьей правды свет”, “Не нужно ничего поэту, – / Ни лент, ни места, ни крестов; / Поэт за благостыню эту / Вам не продаст своих стихов!”, “Но бойтесь уст медоточивых / Низкопоклонников, льстецов, / Но бойтесь их доносов лживых / И их коварных полуслов!” (см.: [9, с. 125–127]).

Обстоятельства создания и публикации стихотворения, последствий этого шага для самой Ростопчиной и издателей “Северной пчелы” хорошо освещены [8]; [10]; [11]. Менее изучены поэтические отклики на “демарш” графини, распространявшиеся в списках, по поводу которых существуют противоречивые версии авторства.

Самой заметной реакцией на резонансное сочинение Ростопчиной было анонимное стихотворение “Ответ вассалов <барону>”, являющееся диалогическим – в жанровой, композиционной и стиховой стилистике “первоисточника” (обращение Барона к “слугам и вассалам” и ответ его Жены на публичном “суде”) – продолжением поднятого поэтессой политического вопроса.

Это произведение известно в разных редакциях, две из которых публиковались (в полном объеме и частич-

но) [7, с. 53–55²]; [8, с. 152³]. В свою очередь, ответом на распространение “Ответ вассалов” явилось еще одно анонимное рукописное сочинение – “Ответ старого вассала” (см.: [8, с. 152–153]), автор которого встал на сторону Жены и где содержатся фразеологические переключки с предшественниками. Наконец, итог этой “интертекстуальной” дискуссии подвела сама Ростопчина, записавшая 22 сентября 1853 г. в “пушкинской” тетради, подаренной ей когда-то В.А. Жуковским, стихотворение “Дума вассалов” [9, с. 119], комментируемое исследователями как свидетельство заметного изменения ее общественной позиции в сторону консерватизма или, во всяком случае, компромисса в “домашнем, старом” “споре славян между собою”, о чем писал А.С. Пушкин (“Клеветникам России”, 1831).

По поводу авторства “Ответ вассалов” фигурировали разные версии. Стихотворение приписывалось А.С. Голицыну [12, с. 143], Н.В. Кукольнику [6, с. 53]⁴, М.М. Магницкому [10, с. 148]; назывались также имена В.А. Жуковского, В.Ф. Одоевского, даже Ф.В. Булгарина [10, с. 148]. По мнению В.С. Киселева, “авторитетное указание Н.Н. Голицына совершенно определенно решает вопрос о его авторе” [8, с. 152]. Этой же точки зрения придерживается Е.Е. Дмитриева [13, с. 606]. Между тем Н.Н. Голицын (1836–1893), будучи женатым на одной из дочерей А.С. Голицына (1789–1858) и имея доступ к архиву тестя, ошибочно приписал ему шуточное стихотворение “Разгульное житье в Карлсбаде мы

² “Ответ вассалов барону”, 7 строф; со ссылкой на “Румянц. музей. Бумаги Вельтмана. Рук. № 2308”.

³ Здесь напечатаны только три строфы стихотворения. Исследователь указывает следующие архивные единицы: «ЦГАОР, ф. III отделения, 1-я экспедиция, № 109, д. 446, ч. 6, лл. 95–96. По этому списку здесь и цитируется <...>. Из других списков, которые нужно признать менее авторитетными, отметим <...> 1) <...> список в рукописном сборнике А.И. Стригоцкого (ПД); 2) список из архива Майковых (Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 452, № 610); 3) текст в рукописном сборнике стихотворений разных авторов (ПД, 13899/LXXV6 18); 4) текст в корректуре неопубликованной статьи о цензурной истории “Насильного брака”, предназначавшейся для “Русской старины” (ПД, ф. 265, оп. № 2, № 2423). Опубликовано в статье Е.С. Некрасовой <...>».

⁴ Е.С. Некрасова пишет: «Патриотическое чувство многих было оскорблено указанной аллегорией. В противовес “Насильному браку” явились стихотворения, между прочим, Кукольника: “Ответ вассалов барону”, где Кукольник неделикатно разоблачает секрет автора, пожелавшего остаться неизвестным. Стихотворение ходило в рукописи, но до сих пор не было в печати. Привожу его сполна».

¹ “Позволь мне оплакивать тяжелую участь / И вздыхать о свободе!” (итал.).

ведем...” (1853), созданное, судя по всему, П.А. Вяземским [14]. Вследствие этого указание Н.Н. Голицына на прямое отношение А.С. Голицына к созданию “Ответа вассалов” (вероятно, только на основании, что список стихотворения находился в архиве последнего) трудно признать “авторитетным”...

В.С. Киселев (он же В.С. Киселев-Сергенин) считал одним из доказательств авторства “развязного солдафона князя А.С. Голицына”, создателя “дилетантских стишков с площадным юмором, служившего в Польше” [8, с. 151]; [10, с. 148], невысокие эстетические достоинства анализируемого стихотворения, отмечая предположения о причастности к нему известных поэтов: «Художественный уровень, на котором написаны этот и другие “ответы”, не позволяет всерьез отнестись к подобным атрибуциям, не говоря уже о том, что ни Жуковский, похваливший талант Ростопчиной как

раз в связи с балладой, ни друг поэтессы В.Ф. Одоевский никогда не стали бы полемизировать с ней» [10, с. 148].

Между тем, анонимное стихотворение вовсе не дилетантское; оно выстроено вполне искусно в содержательном и формальном отношениях, в стилистике баллады Ростопчиной. Его автором мог быть человек, который, уважая поэтессу, предпочел всё же возразить ей, не переходя на личности. Отдельные стилистически сниженные черты обращения вассалов к Жене можно отнести на счет фигуры несобственно-прямой речи анонимного автора.

Ниже мы печатаем – параллельно с опубликованным Е.С. Некрасовой текстом – иную рукописную версию стихотворения (6 строф), обнаруженную в архиве историка, географа, литератора А.И. Савельева (1816–1907), с указанием в этом списке на авторство П.А. Вяземского (!) [15, л. 10–11]:⁵

ОТВЕТ ВАССАЛОВ БАРОНУ

Мы собраны, барон, тобою,
Чтоб спор давнишний твой судить
С неугомонною женою, –
Изволь, мы будем говорить:
“Твоей жены семья нам всем знакома,⁶
Мы знаем все ее дела;
В раздорах век свой провела
И не могла ужиться дома!
Так никого не удивит,
Что баба вздорная кричит.

Их три сестры, когда живали
В своей семье, то сколько раз
Их с молотка распродавали...
Каких там не было проказ!..
При этой жизни мудрено ли,
Что не для них законный брак.
Что муж им будет вечно враг
Распутство – идеал их воли, –
И никого не удивит,
Что баба дерзко говорит.

Кокетки старой криков вздорных
Не надо слушаться, барон.
Есть у тебя еще покорных
И, кроме этой, много жен.

ОТВЕТ ВАССАЛОВ

Мужу

Мы призваны, барон, тобою,
Чтобы по совести судить
Тебя с преступною женою.
Изволь, мы будем говорить.
Семья ее нам всем знакома,
И знаем мы ее дела:
Всегда несчастною была
И не могла ужиться дома.
И нас теперь не удивит,
Что баба дерзко говорит. –

Их три сестры, когда живали⁷
В своей семье, тогда не раз
Их с молотка распродавали
Пустым любовникам на час.
При этой жизни мудрено ли,
Что не для них законный брак.
Беспутство – идеал их воли,
И муж им будет вечно враг.
И никого не удивит,
Что баба вздорная кричит.

Кокетки глупой криков вздорных
Не надо слушаться, барон.
Есть у тебя еще покорных
И кроме этой много жен.

⁵ Пунктуация наша. – Н. В., Д. Ж.

⁶ Дефектная строка, поскольку 5-стопный ямб не вписывается в системный 4-стопный стих. В списке, цитируемом В.С. Киселевым, – “Твоей жены семья знакома”.

⁷ Предположительно имеются в виду Польша, Украина и Белоруссия как славянизированные части бывшего унитарного польско-литовского государственного образования (Речь Посполитая).

Есть дочь великая – святая!
Она против неверных щит!
И непокорную смирит,
Вражду к ней давнюю питаю;
Тебя, барон, не удивит,
Что твой вассал так говорит”.

Жене

«Раба ли ты, или подруга –
Вопрос не трудно разрешить:
Жена – коль своего супруга
Ты будешь слушаться, любить,
Раба – коль безрассудно снова
Ты в мутный бросишься поток,
Забывши данный уж урок,
Тогда и цепь тебе готова.
И никого не удивит,
Когда барон тебя скрутит.

Несправедливо и превратно
Ты говоришь, что продана:
Барону ты неоднократно
Победой в руки отдана.
Война судьбу твою решила.
Сама ты вспомни – сколько раз
Поработить хотела нас?..
Да, верно, силы не хватило;
Так никого не удивит,
Что сильный слушаться велит.

Но кто болтать тебе мешает
На языке твоём родном?
И кто молиться запрещает
Во храме предков вековым?
Болтай, молись, но будь покорна;
Не слушай крикунов чужих,
Друзей обманчивых твоих.
Их дружба век была притворна.
И никого не удивит,
Что муж их слушать не велит».

Но не жена стихи писала,
Писал их в чепчике поэт,
У ней способности не мало,
Жаль, что рассудка больше нет.
Не стоит на нее сердиться,
Не стоит даже говорить,
Довольно пальцем погрозить
И приказать ей возвратиться,
И никого не удивит,
Когда барон ее простит.

Надень ежову рукавицу
И гладь ее, пока молчит,
А чуть немного зашумит,
Так и отхлопай молодицу.
И никого не удивит,
Что баба тотчас замолчит.

Жене

Раба ли ты или подруга,
Вопрос не трудно разрешить.
Жена – коль своего супруга
Ты будешь слушаться, любить;
Раба – коль безрассудно снова
Ты в шумный бросишься порок,
Забывши данный уж урок,
Тогда и цепь тебе готова.
<И никого не удивит,
Когда барон тебя скрутит.>

Несправедливо и превратно
Ты говоришь, что предана, –
Победой ты неоднократно
Барону в руки отдана,
Война судьбу твою решила!
Сама ты вспомни, сколько раз
Поработить хотела нас,
Да только силы не хватило...
Так никого не удивит,
Что потеряла ты кредит⁸.

И кто тебе болтать мешает
На языке твоём родном?
И кто молиться запрещает
Во храме предков вековым?
Никто! Болтаешь ты пустое
Под звук мечтателей пустых,
Друзей обманчивых твоих.
Болтай, молись и будь в покое, –
И никого не удивит,
Когда барон тебя простит.

Вяземский

⁸ “Доверие” (галлицизм). Ср.: “...Быть в кредите – значит пользоваться доверием” [16, с. 355].

Из этих двух “редакций” стихотворения предпочтительней в художественном плане и, вероятно, более близкой к прототексту выглядит вторая, поскольку не содержит сюжетно-смысловых противоречий в третьей строфе (“Есть дочь великая – святая! / Она против неверных щит! / И непокорную смирит, / Вражду к ней давнюю питаю...” – с намеком на православие в противовес католицизму) и язвительного выпада против Ростопчиной: “Но не жена стихи писала, / Писал их в чепчике поэт...”. Заключительная строфа первой “редакции” представляется нам позднейшей вставкой, вряд ли принадлежащей самому автору “Ответа...”: она явно выпадает из “балладной” композиции, эстетически и этически уступает предшествующим строфам.

Еще один довод в пользу аутентичности именно второй “редакции” произведения – переключка с ней неизвестного автора, написавшего “Ответ старого вассала”: “Мы призваны, барон, тобою, / Чтобы по совести судить; / Итак, не лестию одною / Должны мы дело разрешить. / Я старый раб, и верной службой / Тебе служил я много лет. / Вассалы льстят – стыда в них нет, / До правды им совсем нет нужды. / Сказать тебе я правду рад, – / Лишь не сердись: ты виноват! / Жену ты взял хоть разоренной / Под покровительство свое – / Сказал, барон, ты это верно, – / Да разорил-то кто её? / Ты не парчой одел, не златом – / Её ты в рубище одел; / И несчастлив её удел, / Что ты стоишь над ней с булатом, / Так как же быть покорной ей, / Суди по совести своей? // Надеть **ежову рукавицу** / Не шутка будет; но, барон... / Ведь воздадут тебе сторицей: / Есть бог на небе – силен он! / Твои вассалы подлы, низки, / Они что хочешь будут врать: / Им только б жалованье брать – / За то они к тебе и близки. / Но правду слышать ты хотел: / Я все сказал, что разумел” (цит. по: [8, с. 152–153]).

Расхождения между указанными “редакциями” “Ответа вассалов” заставляют предполагать не столько авторские вариации, сколько “сотворчество” посторонних лиц и записи произведения отчасти по памяти.

На принадлежность “Ответа вассалов” Вяземскому указывает еще один список стихотворения, найденный нами в архиве Я.П. Полонского (1819–1898) [17, л. 11–13]. Данный текст здесь озаглавлен “Ответ Барона” (с подписью “Князь Вяземский”) и помещён вслед за стихотворением Ростопчиной “Насильственный <sic> брак” [17, л. 8–11]. Он также не содержит заключительной в списке Е.С. Некрасовой строфы “Но не жена стихи писала...”; нет в нём и пропуска строк “И никого не удивит, / Когда барон

тебя скрутит”. В иных отношениях этот список является контаминацией двух предшествующих, например: “Мы собраны, барон, тобою, / Чтоб спор по совести судить / С неугомонною женою... / Изволь, мы будем говорить”; отличается алогизмом (“И никого не удивит, / Что муж их слушаться [?] велит”) – что свидетельствует, на наш взгляд, о его устной передаче и меньшей текстологической авторитетности, учитывая и искаженную трактовку названия произведения, где речь идет об ответе вассалов Барону в рамках публичного суда над Женой.

* * *

Появление среди возможных кандидатов на авторство анализируемого сочинения имени еще одного поэта, ранее не фигурировавшего в данном контексте, обязывает внимательно рассмотреть эту версию.

П.А. Вяземский был знаком с Е.П. Сушковой (Ростопчиной) еще с 1820-х гг., посещал московский дом ее деда И.А. Пашкова, где воспитывалась рано оставшаяся без матери будущая писательница, – и, более того, опубликовал ее стихотворение “Талисман” в блистательном по составу авторов альманахе “Северные цветы на 1831 год”, что стало литературным дебютом поэтессы и принесло ей известность [18, с. 216]. На протяжении многих лет писатель следил за творчеством и судьбой своей подопечной. 9 мая 1833 г. он сообщал А.И. Тургеневу: “...наконец, скажу тебе, что наша Сушкова помолвлена за молодого графа Ростопчина второго⁹, который еще не был в объятиях святой Пелагеи¹⁰ и, следовательно, еще не разорен. Говорят, что от этой свадьбы все московские матушки рвут и мечут; Сушкова совсем обворожила старуху Ростопчину, которая сначала не хотела дать согласия и призвала ее к себе, чтобы представить ей все опасности этого брака, основанные на молодости, на шалостях, на непостоянстве сына. Но не робкую душу Бог вложил в Сушкову: она отвечала, что грядет на вольную смерть и, наконец, так понравилась будущей теще, что та говорит, что не могла никогда уга-

⁹ А.Ф. Ростопчин (1813–1892), младший сын московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина (1763–1826), библиофил, коллекционер.

¹⁰ “Святая Пелагея – Prison St-Pélagie – основана в 1665 г. и служила в Париже убежищем для падших женщин, желавших исправиться; с 1792 г. – тюрьма для политических преступников; с 14-го марта 1797 по январь 1834 г. – место заключения несостоятельных должников. В St.-Pélagie успел уже побывать старший Ростопчин [С.Ф. Ростопчин], как это видно из писем А.Я. Булгакова к брату” (прим. публикатора переписки – В.И. Саитова).

дать лучшего счастья для сына. Боюсь, не обязалась ли Сушкова обратиться в римскую веру старуху Пашкову и в придачу нашего Норова [А.С. Норова]: иначе мудрено растолковать нежность Ростопчиной¹¹, заслуженную уж верно не стихами” [20, с. 232–233]. 2 июня 1833 г. Вяземский писал своему confidentу: “Додо Сушкова теперь уже графиня Ростопчина. В Москве эта свадьба сделала ужасную тревогу. Нахожу под рукою одно из стихотворений ее и посылаю тебе вместе с письмом Норова” [20, с. 238]. 8 февраля 1836 г., переписывая стихотворение Ростопчиной “Последний цвет” (“Не дам тебе увянуть одиноким...”, 1835), он интригует корреспондента: «Каковы стихи? Ты думаешь Бенедиктова? Могли бы быть Жуковского, Пушкина, Боратынского; уж верно не отказались бы они от них. Нет, сударь! И неужели сердце твое не забилося радостью Петровского и Чистых прудов, и не узнал ты голоса некогда Додо Сушковой, а ныне графини Ростопчиной? Не завидую мужу, который служит вдохновением подобным стихам¹², а нельзя не радоваться стихам. Какое глубокое чувство, какая простота и сила в выражении и, между тем, сколько женского! Они напечатаны в последнем “Наблюдателе”» [20, с. 293]. 14 февраля 1836 г. развивает ту же тему: “Бог знает, когда дойдет до тебя берлинское отправление с прелестными стихами графини Ростопчиной” [20, с. 300]. 23 октября 1836 г. снова вспоминает о Ростопчиной, вынашивая “альманашные” планы: “Проси для меня стихов от Языкова, Боратынского, Хомякова. Буду сам писать к ним с нижайшею просьбою, но ты предвари. У вас ли графиня Ростопчина? Проси и от нее стихов коленопреклоненно. Не совестно ли ей метать свой бисер в свиной хлев Сенковского?” [20, с. 335].

Вяземский продолжал интересоваться Ростопчиной и позже. 29 марта 1837 г. он сообщает А.И. Тургеневу: “Графиня Ростопчина написала послание к будущей Жихаревой” [21, с. 3]; 26 февраля 1838 г. – «Вчера был я у Карамзиных и нашел там Ростопчину, которая велела тебя поцеловать. Она написала очень

милые и очень женские стихи императрице. В них упоминает она о лебединой походке ее. Мятлев, недавно сюда возвратившийся, написал на эти стихи свои стихи от имени Варфоломея Толстого, который, критикуя уподобление с лебедем, тем кончает: “Как лебедя сравнить с царицей? / Не знаю ничего глупей: / Скажите ж, может ли при птице / Дежурить граф Варфоломей?”» [21, с. 25]; 13/25 июня 1841 г. – “Охота тебе давать Сиркуру¹³ переводить графиню Ростопчину. Ты сам гораздо лучше переведешь; что за дело, что правильнее: ведь это не для печати. Ростопчина поехала к мужу в Москву или в деревню. **Люблю стихи ее, но не люблю самой музы. Она точно Иоанна д’Арк** (выделено нами. – Н.В., Д.Ж.). Та в домашней жизни простая пастушка, а в минуты откровения герой и мученик; эта – пустая вертушка, а в минуту откровения поэт и апостол душевных таинств” [21, с. 138]; 17 января 1843 г. – “Ростопчина написала стихи на первый сон магнетический. Все наши дамы бредят магнетизмом с приезда Дюпоте, а более всех Софья Николаевна <Карамзина>. Владимир Карамзин тебе все расскажет” [21, с. 207]. В первой половине 1840-х гг. Вяземский и Ростопчина нередко встречались на литературных вечерах у В.А. Соллогуба [23, с. 497–499] и, несомненно, при других обстоятельствах. Летом 1844 г. они регулярно общались в Ревеле, о чем Вяземский сообщал В.Ф. Вяземской: “Вчера обедал я у Ростопчиной...” (14 июля) [24, л. 69]; “Продолжаю быть на хлебах у Ростопчиной. Тут бывают также ежедневно дочери Пашкова...” (25 июля) [24, л. 72 об.]; “...я по обстоятельствам слышу принадлежащим к ее [Ростопчиной] coterie...” (1 августа) [24, л. 80 об.]; ср.: [25, с. 61]. В альбоме Ростопчиной, который она вела в 1843–1857 гг., были внесены ее рукой три стихотворения Вяземского: “Русская песня” (“Что мой светик луна...”, 1846?), “Русский бог” (1827–1828), “Андрею Карамзину” (1854) [26, л. 99 об. – 100, 128, 137–137 об.].

Ростопчина переписывалась с Вяземским, в частности после своей опалы, и была с ним откровенна: “Милый, добрый, несравненный князь...”, “Ах, издали есть точное определение моего отношенья ко всему петербургскому и к самому Петербургу!”, «...Москва для меня ад... “И скучно, и грустно, и некому руку подать!” Тем более, тем искреннее,

¹¹ Известно, что Екатерина Петровна Ростопчина (урожденная Протасова, 1776–1859), вопреки желанию мужа, в 1806 г. приняла католичество и отличалась крайностями в своем следовании этой вере. См.: [19, № 1, с. 51; № 2, с. 429; № 3, с. 881].

¹² Ср. следующий подтекст стихотворения (с указанием на место написания – “Село Анна”): “А я, цветок, в безвестности пустыни / Увяну я... и мысли тщетный дар, / И смелый дух, и вдохновенья жар – / Кто их поймет?.. В поэте луч святости / Кто разглядит сквозь дум неясных пар?..” [9, с. 79–80].

¹³ А. де Сиркур (1801–1879), фр. литератор, муж А.С. Сиркура (Хлюстиной). См.: [22, с. 399].

¹⁴ Coterie – “кружок, компания” (фр.), ср. котерия “кружок, группа лиц, преследующих какие-л. узкие, своекорыстные цели” (арх.).

тем чаще, тем живее сожалею о милом прошлом, об просвещенных землях и краях, о друзьях на берегу Невы, то есть о тех немногих, которые были для меня всегда одними, не меняясь, не оступаясь, не лицемеря...» (10 сентября 1848 г.); «...Вы первый, а после вас сам Пушкин, открыли, опокровительствовали и возлелеяли мою Музу... и вашему милому снисхождению, вашим ободреньям обязана она, что выросла, пожирела и стала бабою наконец, с правом гражданства в стихотворном мире»; «Это листки из сокровеннейшего дневника моего сердца, которые до сих пор хранились под спудом и не показывались никому» (25 января 1856 г.); «Это вздор (об отрывках из поэмы “Дом сумасшедших в Москве в 1858 году”. – Н. В., Д. Ж.), – но останется (как останется все непечатное (протестом) по ихнему говоря!) против лжи, гадости, сплетней и злобы, заменившими у нас литературное мнение и печатную правду» (23 мая 1858 г.) [3, с. 372–273]; [24, с. 61]; [27, л. 17 об. – 18 об., 27–27 об., 37]. Дочь писательницы – Л.А. Ростопчина свидетельствовала о долговременных и доверительных отношениях обоих: “Друг моей матери, князь Петр Андреевич Вяземский <...>” [19, с. 433].

Поэтому вполне вероятно, что Вяземский, с его литературным темпераментом, мог откликнуться, и скорее всего *поэтически*, на политический выпад русской “Иоанны д’Арк”, – разумеется, не официально, а в стилистике полуанонимного послания самой графини из Рима... В 1840-х гг. писатель жил преимущественно в России; 22 октября 1846 г. он был назначен управляющим Государственным заемным банком, т.е. отчасти вынужденно стал “государственным мужем”, что, конечно, сковывало его в открытом писательском самовыражении; одновременно, как всегда, он активно реагировал на все происходящие общественные и литературные события в России и за рубежом, будь то вышедшая в 1843 г. в Париже книга маркиза А. де Кюстина “La Russie en 1839” или “Выбранные места из переписки с друзьями” (1847) Н.В. Гоголя [28, с. 464–513, 675].

Если проанализировать семантически и стилистически маркированные слова анализируемого стихотворения, то в поэзии Вяземского встречаются – неоднократно и в разные годы – очень многие из них: *баба, безрассудно, болтать “говорить”, брак, броситься, вековой, вздорный, вопрос, гладить, дерзко, законный, замолчать, запрещать, заиуметь, идеал, изволить, кокетка, любовник, мечтатель, молоток, обманчивый, подруга, покорный, поработить, порок, превратно, преступный, призвать, раба, разрешить, рукавица, скрутить, слушаться, совесть,*

ужиться, урок, цепь; либо фигурируют их однокоренные частеречные аналоги (*беспутно, кредитный, несправедливый*); отсутствуют же лексемы *ежовый, живать, молодница, неоднократно, отхлопать, распродавать*, как и фразеологизмы *ежовая рукавица, распродавать с молотка* [29]. Однако ни первое, ни последнее не является бесспорным доказательством причастности или непричастности поэта к анонимному произведению. Можно лишь констатировать, что очень многое в лексиконе Вяземского-поэта соответствует словнику “Ответа вассалов”.

Для сравнения: в языке А.С. Пушкина, если принять во внимание и его прозаические тексты, из указанных слов не встречаются лишь *беспутство* (но есть *беспутно, беспутный*), *ежовый, отхлопать, распродавать* (но есть *распродать*) [30]; [31], – т.е., следуя формальным соображениям, Пушкина в большей мере, чем Вяземского, можно было бы подозревать в создании данного сочинения, если бы это не являлось анахронизмом... С другой стороны, выявление даже небольшого по объему нового текста того или иного автора способно существенно расширить представление о его художественном языке. Так, учет нескольких черновых набросков ранних стихотворений К.Н. Батюшкова, введенных в научный оборот В.А. Кошелевым [32, с. 11–16], дал существенное прибавление к словарю поэта в виде 58 лексем и 8 имен собственных [33, с. 11–13, 16].

Остается подвести итоги проведенного исследования. Анонимное стихотворение “Ответ вассалов <барону>”, распространявшееся в списках и отчасти устно как отклик на балладу Е.П. Ростопчиной “Насильный брак”, было приписано в 1880 г. Н.Н. Голицыным его родственнику по жене А.С. Голицыну. Доверять данной информации в полной мере нельзя, потому что одновременно Н.Н. Голицын приписал А.С. Голицыну и фигурировавшее в списках стихотворение “Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем...”, автором которого был П.А. Вяземский, друживший с А.С. Голицыным. Первый публикатор “Ответа вассалов” – Е.С. Некрасова – ссылаясь в 1885 г. в свою очередь, на авторство Н.В. Кукольника. Между тем один из списков стихотворения, являющийся, на наш взгляд, наиболее близким к исходному тексту произведения, введенный в научный оборот в данной статье, подписан именем П.А. Вяземского, как и список из архива Я.П. Полонского, – что тоже заставляет усомниться в причастности к анонимному сочинению А.С. Голицына или Н.В. Кукольника. Лексический анализ произведения показывает тесную корреляцию его словника с поэтическим язы-

ком Вяземского, но не дает оснований сделать более решительного вывода об авторстве текста. Поэтому данный вопрос остается дискуссионным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Северная пчела. 1846. № 284, 290.
1. Из архива Ф.В. Булгарина (Письма к нему разных лиц) // Русская старина. 1901. № 2. С. 383–408.
2. Ранчин А.М. Ростопчина Евдокия Петровна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 369–374.
3. Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. СПб., 1893.
4. Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: НЛЮ, 1998. 704 с.
5. Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. М.: НЛЮ, 2016. 632 с.
6. Некрасова Е.С. Графиня Е.П. Ростопчина. 1811–1858. Очерк // Вестник Европы. 1885. Кн. 3. С. 42–81.
7. Киселев В. Поэтесса и царь (страница истории русской поэзии 40-х годов) // Русская литература. 1965. № 1. С. 144–156.
8. Поэты 1840–1850-х годов / Вступ. ст. Б.Я. Бухштаба; сост., подгот. текста, биогр. справки и прим. Э.М. Шнейдермана. Л.: Сов. писатель, 1972. 544 с.
9. Киселев-Сергенин В.С. По старому следу (о балладе Е. Ростопчиной “Насильный брак”) // Русская литература. 1995. № 3. С. 137–152.
10. Pedrotti L. The Scandal of Countess Rostopchina’s Polish-Russian Allegory // The Slavic and East European Journal. 1986. Vol. 30. No. 2. P. 196–214.
11. Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных, собранные князем Н.Н. Голицыным. Киев, 1880.
12. Дмитриева-Маймина Е.Е. Голицын Александр Сергеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 606–607.
13. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. К вопросу об авторстве шуточного стихотворения “Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем...”, или “Карлсбадский текст” в русской поэзии // Лит. факт. 2018. № 7.
14. ОР РНБ. Ф. 665 (А.И. Савельев). № 319.
15. Бурдон И.Ф. Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка с означением их корней, составленный по словарям Французской академии <...>. М., 1865.
16. РГАЛИ. Ф. 403 (Я.П. Полонский). Оп. 1. № 84.
17. Вацуро В.Э. “Северные цветы”. История альманаха Дельвига–ушкина. М.: Книга, 1978. 288 с.
18. Ростопчина Л.А. Правда о моей бабушке (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1904. Т. XCV. № 1–3.
19. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824–1836 / Изд. С.Д. Шереметева; под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб., 1899.
20. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 4: Переписка П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1837–1845 / Изд. С.Д. Шереметева; под ред. и с прим. В.И. Саитова. СПб., 1899.
21. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л.: Наука, 1988. 544 с.
22. Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л.: Художественная литература, 1988. 720 с.
23. РГАЛИ. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. № 3272.
24. Ранчин А.М. “Кассандра новой Трои” Е.П. Ростопчина и ее сатирическая поэма “Дом сумасшедших в Москве в 1858 году” // Поэзия филологии. Филология поэзии. Сборник конференции, посвященной А.А. Илюшину. Тверь, 2018. С. 57–63.
25. РГАЛИ. Ф. 433 (Е.П. Ростопчина). Оп. 1. № 18.
26. РГАЛИ. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. № 2683.
27. Бондаренко В.В. Вяземский. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2014. 680 с.
28. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка П.А. Вяземского (с приложением малоизвестных и неопубликованных его стихотворений). М.: Флинта; Наука, 2015. 424 с.
29. Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В.В. Виноградов. М., 1956–1961.
30. Новые материалы к словарю А.С. Пушкина / Сост.: В.В. Пчелкина, Е.П. Ходакова. М.: Наука, 1982. 288 с.
31. Батюшков К.Н. Из записных книжек [1809–1810] // Батюшков К.Н. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 7–16.]
32. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка К.Н. Батюшкова. М.: Флинта; Наука, 2018. 97 с.

REFERENCES

1. Northern Bee, 1846, No. 284, 290. (In Russ.)
2. From the Archive of F.V. Bulgarin (Letters of Different Persons to Him). *Russian Antiquity*, 1901, no. 2, pp. 383–408. (In Russ.)
3. Ranchin, A.M. Rostopchina Evdokiya Petrovna. *Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary*. Vol. 5. Moscow, 2007, Pp. 369–374. (In Russ.)
4. Nikitenko, A.V. Notes and a Diary. Vol. 1–3. St. Petersburg, 1893. (In Russ.)
5. Rejtblat, A.I. (Ed.). Vidok Figlyarin. Letters and Intelligence Notes by F.V. Bulgarin to Dementary III. Moscow, 1998, 704 p. (In Russ.)
6. Rejtblat, A.I. Faddey Venediktovich Bulgarin: an Ideologist, a Journalist, a Consultant to the Secret Police: Articles and Materials. Moscow, 2016, 632 p. (In Russ.)
7. Nekrasova, E.S. Countess E.P. Rostopchina. 1811–1858.

- An Essay. *Vestnik Evropy*, 1885, Book 3, Pp. 42–81. (In Russ.)
8. Kisel'ov, V. The Poetess and the King (A Page from History of Russian Poetry in the 40s)]. *Russian Literature*, 1965, no. 1, Pp. 144–166. (In Russ.)
 9. Poets of the 1840s-1850s. Ed. by B.Ja. Buhsttab, E.M. Shnejderman. Leningrad, 1972, 544 p. (In Russ.)
 10. Kisel'ov-Sergenin, V.S. On the Old Trail (About the Ballad of E. Rostopchina “Forced Marriage”). *Russian Literature*, 1995, no. 3, Pp. 137–152. (In Russ.)
 11. Pedrotti L. The Scandal of Countess Rostopčina's Polish-Russian Allegory. *The Slavic and East European Journal*, 1986, Vol. 30, No. 2, Pp. 196–214.
 12. Materials for a Complete Genealogical List of the Princes Golitsyns, Collected by Prince N.N. Golitsyn. Kiev, 1880. (In Russ.)
 13. Dmitrieva-Maimina, E.E. Golitsyn Aleksandr Sergeevich. *Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary*. Vol. 1. Moscow, 1989, Pp. 606–607. (In Russ.)
 14. Vasiljev, N.L., Zhatkin, D.N. On the Question of the Authorship of a Humorous Poem “Riotous Life in Carlsbad We are Having...”, or the “Carlsbad Text” in Russian Poetry. *Literaturnyj fakt*. 2018. № 7. (In Russ.)
 15. Department of Manuscripts of the Russian National Library]. F. 665 (A.I. Saveljev). No. 319. (In Russ.)
 16. Burdon, I.F. *Explanatory Dictionary of 30 000 Foreign Words Included in the Russian Language with the Meaning of Their Roots*, Compiled from the Dictionaries of the French Academy. Moscow, 1865. (In Russ.)
 17. Russian State Archive of Literature and Art. F. 403 (Ja.P. Polonsky). Reg. 1. No. 84. (In Russ.)
 18. Vatsuro, V.E. “Northern flowers”. *History of the Almanac by Delvig–Pushkin*. Moscow, 1978, 288 p. (In Russ.)
 19. Rostopchina, L.A. The Truth about my Grandmother (An Excerpt from the Memoirs). *Historical Bulletin*, 1904, Vol. XCV, No. 1–3. (In Russ.)
 20. Ostafyev's Archive of the Princes Vyazemskys. Vol. 3. *The Correspondence of Prince Vyazemsky and A.I. Turgenev. 1824–1836*. St. Petersburg, 1899. (In Russ.)
 21. Ostafyev's Archive of the Princes Vyazemskys. Vol. 4. *The Correspondence of Prince Vyazemsky and A.I. Turgenev. 1837–1845*. St. Petersburg, 1899. (In Russ.)
 22. Cherejsky, L.A. *Pushkin and his Entourage*. 2nd ed.. Leningrad, 1988, 544 p. (In Russ.)
 23. Sollogyb, V.A. *Stories. Memoirs*. Leningrad, 1988, 720 p. (In Russ.)
 24. Russian State Archive of Literature and Art. F. 195 (V'azemskie). Reg. 1. No. 3272. (In Russ.)
 25. Ranchin, A.M. “Cassandra of New Troy” by E.P. Rostopchina and her Satirical Poem “The Madhouse in Moscow in 1858”. *Poezija filologii. Filologija poezii*. Tver, 2018, Pp. 57–63. (In Russ.)
 26. Russian State Archive of Literature and Art. F. 433 (E.P. Rostopchina). Reg. 1. No. 18. (In Russ.)
 27. Russian State Archive of Literature and Art. F. 195 (V'azemskie). Reg. 1. No. 2683. (In Russ.)
 28. Bondarenko, V.V. *Vyazemsky*. 2nd ed. Moscow, 2014, 680 p. (In Russ.)
 29. Vasilyev, N.L., Zhatkin, D.N. *Dictionary of the Poetic Language of P.A. Vyazemsky (with the Application of his Little-known and Unpublished Poems)*. Moscow, 2015, 424 p. (In Russ.)
 30. *The Dictionary of the Language of Pushkin*. Ed. by V.V. Vinogradov. Vol. 1–4. Moscow, 1956–1961. (In Russ.)
 31. Pcholkina V.V., Hodakova E.P. (Ed.). *New Materials to the Dictionary of A.S. Pushkin*. Moscow, 1982, 288 p. (In Russ.)
 32. Bat'ushkov K.N. *From the Notebooks [1809–1810]. Bat'ushkov, K.N. Works*. Moscow, 1989, Vol. 2, Pp. 7–16. (In Russ.)
 33. Vasilyev, N.L., Zhatkin, D.N. *Dictionary of the Poetic Language of K.N. Batiushkov*. Moscow, 2018, 97 p. (In Russ.)